

В.В. Шапошникова

Манилов

С помещиком Маниловым, человеком еще вовсе не пожилым, имевшим глаза сладкие, как сахар, Чичиков познакомился на губернаторской вечеринке и был приглашен в гости. Оказалось, однако, что вместо обещанных пятнадцати верст до Маниловки было верных тридцать.

Дом Манилова стоял на юру, открытый всем ветрам; рядом было подобие английского сада и беседка с надписью «Храм уединенного размышления», а рядом «пруд, покрытый зеленью». Недалеко находилось более двухсот «сереньких» крестьянских изб без единого деревца. День, когда Чичиков приехал к Манилову, был «какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат». В отдалении «скучно-синеватым цветом темнел лес».

Манилов — «ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан», хотя «на взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: “Какой приятный и добрый человек!” В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: “Черт знает что такое!” — и отойдешь подальше; если же не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную».

У всякого, по словам Гоголя, есть свой интерес, «задор» — у Манилова «ничего не было». Дома он по преимуществу молчал или думал, но «о чем он думал <...> разве Богу было известно». При этом он курил трубку — привычка со времен службы в армии, где он считался «скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером». Впрочем, некоторые его мечты известны: от дома провести подземный ход или через пруд выстроить каменный мост, на котором бы купцы продавали всякие мелкие товары, нужные для крестьян. Но эти прожекты оканчивались одними словами. «Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою затылок, говорил: “Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать”, — “Ступай”, — говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шел пьянствовать».

В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная на четырнадцатой странице, книжка, которую он постоянно читал уже два года; на подоконниках аккуратные горки выбитой из трубки золы, «расставленные не без старания очень красивыми рядками», указывали на приятное препровождение времени. В его доме чего-нибудь вечно не доставало: рядом с прекрасной мебелью, обтянутой шелковой материей, стояли кресла, обитые просто рогожею; в иной комнате мебели не было вовсе; вечером подавался бронзовый щегольской подсвечник — и рядом с ним «какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале». Стены кабинета неопределенного цвета — «голубенькая краска вроде серенькой». Черты зыбкости, неопределенности характера Манилова сказываются и в том, что в трактире он закажет много, а всего только попробует. Странны и имена детей его — древнегреческие Фемистоклос и Алкид, неуместные в деревенской глуши.

Манилов уже восемь лет как женат, но у них с женой сохранились идиллические отношения, выражающиеся в подношении «кусочка яблочка, или конфетки, или орешка» и положении оных в «ротик» супруга; при этом голос был «трогательно-нежный», выражающий «совершенную любовь». Сюрпризы ко дню рождения («какой-нибудь бисер-

ный чехольчик на зубочистку»), томные и длинные поцелуи дополняли картину семейного счастья. «Они были совершенно довольны друг другом».

Хозяйством Манилов не занимается, доверяя во всем приказчику, ленивому и плутоватому. Жена его, недурная собой, одетая к лицу, обученная в пансионе французскому языку, фортепьяно и «вязанию кошечек и других сюрпризов», не вникала в хозяйство. На кухне готовилось без толку, в кладовой было пусто, ключница воровка, слуги нечистоплотны и пьяницы, «дворня спит немилосердным образом и повесничает все остальное время».

Обо всех своих знакомых Манилов и его супруга отзываются в высшей степени положительно (губернатор — «препочтеннейший и прелюбезнейший человек», полицеймейстер — «приятный человек», Чичиков своим посещением доставил Манилову «наслаждение... майский день... именины сердца» и т.д.).

Любимые слова Манилова — «в некотором роде», «какую-нибудь этакую», слова, которые он рассыпает перед Чичиковым в изъявление своей признательности за посещение и «приятность» обращения.

Логика рассуждений Манилова проявляется в отзыве об «остроумии» Фемистоклоса: мальчик как встретит букашку, козявку, так и побежит за ней следом — поэтому отец прочит его по дипломатической части.

Намерение Чичикова купить мертвые души выбивает Манилова из равновесия. «Манилов совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос — черт его знает. Кончил он наконец тем, что выпустил опять дым, но только уже не ртом, а через носовые ноздри».

Сомнение, в которое повергло Манилова предложение Чичикова, сформулировалось в вопросе о том, «не будет ли <...> эта негоция <...> несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России», при этом Манилов посмотрел очень значительно в лицо Чичикова. Получив отрицательный ответ собеседника, Манилов совершенно успокоился, подарил собеседнику души и, смущенный бурно проявленной благодарностью Чичикова, «выразился, что это сущее ничего, что он, точно, хотел бы доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души». Расчувствовавшись, он поведал Чичикову свои мечты: жить вместе с гостем под одной кровлей или философствовать «под тенью какого-нибудь вяза». По отъезде Чичикова он, куря трубку, занесся мыслями «Бог знает куда»: «Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах. Потом <...> что будто бы государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами, и далее, наконец, Бог знает что такое, чего уже он и сам никак не мог разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдруг все его мечтания. Мысль о ней как-то особенно не варилась в его голове»

Встретившись потом в городе, Манилов и Чичиков вновь так сильно выражали свои чувства, что у обоих целый день болели от поцелуев передние зубы; глаза Манилова исчезли совершенно — так сладко он их зажимал. Руку Чичикова он четверть часа держал обеими руками и нагрел ее страшно. Compliments, которые он расточал Чичикову, могли предназначаться разве только девице, с которой идут танцевать.

«Мужички» Манилова свернуты «в трубочку» и перевязаны «розовой ленточкой»; список обведен каемкой (это была работа жены Манилова). Пока шли до присутственных мест, Манилов поддерживал, почти приподнимал Чичикова, стремясь не допустить, чтобы тот зашиб свои «ножки». В присутствии Чичиков зря боялся, что Манилов догадается об истине: обвороченный его пышными фразами о добродетели, Манилов погрузился в удовольствие любителя музыки, услышавшего такую тонкую ноту в голосе певицы, «какая невмочь и птичьему горлу».

Даже когда Чичиков попал под подозрение, Манилов отвечал, что «за Павла Ивановича всегда готов он ручаться, как за самого себя, что он бы пожертвовал всем своим именем, чтобы иметь сотую долю качеств Павла Ивановича, и отозвался о нем вообще в самых лестных выражениях, присовокупив несколько мыслей насчет дружбы уже с за-жмуренными глазами».